

ЖИЗНЬ КОРОТКА – МЫСЛЬ ВЕЧНА

(О Владимире Алексеевиче Морозе)

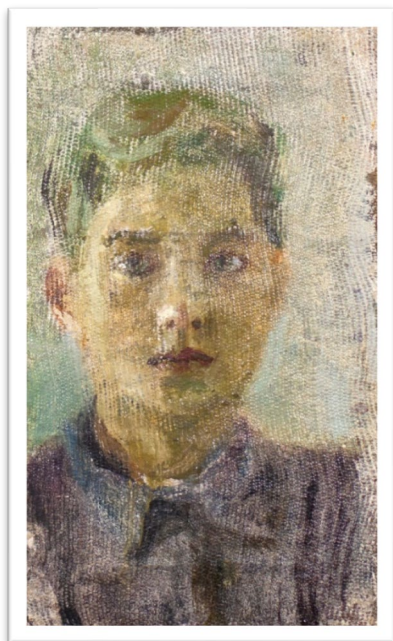

В.А. Мороз, июль 2019

Свод мыслей Л.Н. Толстого», над составлением которого В.Г. Чертков работал с конца 1880-х годов (первое упоминание об этом деле в письме Черткова к Толстому от 1 августа 1889 года), был готов к изданию в 1914 году. Но Первая мировая война и последовавшие за ней революции не дали осуществиться задуманному.

Потребовалось более ста лет, чтобы «энциклопедия всех, когда-либо письменно изложенных мыслей Толстого», как называл «Свод» Чертков, стала доступна читателям сайта свод-мыслей-толстого.рф, созданного по инициативе московского художника, коллекционера, издателя В.А. Мороза.

Владимир Алексеевич Мороз родился 24 декабря 1929 года в Москве. Отец – Мороз Алексей Андронович – директор школы для беспризорных на Смоленской площади. Мать – преподаватель той же школы – Бурикова Татьяна Николаевна.

*Володя Мороз. Автопортрет,
1939
Холст, масло. 26 x 15*

В семь лет, отец, желавший чтобы сын стал художником, определил его в Московскую среднюю художественную школу.

В старших классах, убегая со школьных уроков, чтобы обойти все букинистические магазины, Володя из страстной любви к живописи и жажды к знанию искусства, начал собирать репродукции произведений великих художников. Возник узкий круг коллекционеров, не стяжателей – ценителей мирового искусства, собирателей произведений больших мастеров в великолепных по тем временам полиграфических изданиях (“L’illustration”, “Studio”, “Kunst” и наиболее полных монографиях издания Зеймана). Их было пять-шесть солидных мужей: М.В. Куприянов – один из Кукриников, С.Н. Иванов – редактор Госполитиздата, М.В. Алпатов – известный искусствовед, А.Б. Юмашев – герой-летчик и среди них юноша (все они были друзья и называли себя «королями репродукций»).

В пятидесятые-шестидесятые годы, когда складывалась коллекция, он друг и помощник в творчестве (покупатель картин) Р.Р. Фалька, называвшего Мороза «лучшим глазом Москвы». В 18 лет Володя, потрясенный прочитанным рассказом Толстого «Рубка леса», поделился своими впечатлениями с Робертом Рафаиловичем. И получил совет: «Прочтите не по-школьному «Войну и мир» – тогда поговорим. Совет старшего друга перекликался с советом Александра Блока: «торопиться понимать Толстого с юности, пока наследственная болезнь призрачных дел и праздной иронии не успела ослабить духовных и телесных сил». Позже в своем дневнике Владимир Алексеевич запишет: «Нет ничего большего, что может один человек сделать для другого – это открыть для него Толстого».

Московский художник и коллекционер Владимир Мороз у Георгия Костаки (1971). Фото Игоря Пальмина

тогда поговорим. Совет старшего друга перекликался с советом Александра Блока: «торопиться понимать Толстого с юности, пока наследственная болезнь призрачных дел и праздной иронии не успела ослабить духовных и телесных сил». Позже в своем дневнике Владимир Алексеевич запишет: «Нет ничего большего, что может один человек сделать для другого – это открыть для него Толстого».

В шестидесятые-семидесятые годы, Владимир Мороз – художник, знаток искусства, собиратель по наитию, опыту, знанию – обладатель одной из уникальных коллекций от иконописи до русского авангарда.

Постепенно волна интереса к иконописи, спасаемой в провинции «вечными студентами», к русскому авангарду, спасаемому от уничтожения истинными зна-

токами искусства, а точнее осведомленность о стоимости того и другого, докатилась до советских властей. Коллекционирование стало опасным делом. В это время намеренно создавалась атмосфера нетерпимости к частному коллекционированию, целью которой было ограбить то, что недавно самим государством предавалось анафеме и уничтожалось. В числе других коллекция Мороза сделалась для них лакомым кусочком. В июне 1974 года стараниями КГБ Владимир Алексеевич оказался в застенках Лефортовской тюрьмы. Коллекция была конфискована (перечень отобранных произведений искусства занимал более 70 страниц уголовного дела, которое до сегодняшнего дня считается «незавершенным», скрывая в архивах Госбезопасности судьбу украденных шедевров).

За любовь ко всему настоящему, за смелость быть свободным художником среди несвободы В.А. Мороз получил антисоветскую статью. В приговоре сказано: «В период с 1954 по 1974 годы Мороз занимался преступной деятельностью, распространяя произведения, содержащие заведомо ложные измышления, порочащие общественный и государственный строй...». Это за свое всегда независимое отношение к окружающему миру, за сознание себя свободным человеком в несвободном обществе, за картины, которые писал, за художников, которых поддерживал, за перedelкинский дом, который строил, чтобы открыть в нем свободный музей свободных

*Фотография из личного дела
арестанта В.А. Мороза*

живописцев, за солженицынский «Гулаг», за другие запрещенные книги, перечень которых превышал более половины 90-томного дела Мороза. Какая ирония судьбы! Полное собрание сочинений Л.Н. Толстого (тоже «арестованное») состояло из 90 томов.

Мир в день ареста в один миг из яркого, живого стал грязно-серым: стены, одежда, человеческие лица на несколько лет потеряли краски. Для художника зрительный голод страшнее лишений физических. Стараться выжить в условиях советских исправительных лагерей – занятие бессмысленное – жизнь в них мало чего стоит, жить надо было неумирающим. Прежде он понимал бы под этим искусство. Оказалось, что для него «вечным» стала Мысль, под которой он понимал мысль религиозную. Гиппократовское: «Жизнь коротка – искусство вечно», переосмыслилось в «Жизнь коротка – мысль вечна».

Поддержкой и опорой арестанта стал заново открытый им религиозный мыслитель Толстой, вместе с другими книгами Мороза брошенный в ту же тюрьму (конфискованные книги грудой были свалены в одну из лефортовских камер, пополнив знаменитую библиотеку, состоящую из множества отнятых у жертв КГБ книг за все годы советской власти). Первой книгой, которую Мороз попросил в тюрьме для чтения был Толстовский «Круг чтения». Синий том принесли с оторванным корешком. Подозревали: раз просит – значит что-то спрятал. «Компромат» искали повсюду. Его домишко в деревне Шишкино под Тарусой разобрали по бревнышку. Зато картины художника Ильи Кабакова, одним из первых собирателей которого был Мороз, выбрасывали при обыске из окон прямо в сад.

В лагере ГУЛАГа ША-22 УЮ 400/6 Владимир Алексеевич дал себе слово: «Если будет на то божья воля – останусь живым и вернусь, – запустить во всеобщее внимание людей Толстого как религиозного учителя». Обещание, данное себе, он выполнил, являясь составителем и издателем 14 выпусков «Толстовского листка. Запрещенный Толстой», выборки мыслей из своего тюремного дневника «Толстой в моей арестантской жизни», выборки мыслей из дневников Толстого «Книга, которую давно дожидается человечество. Толстой мысли».

Еще до ареста, из брошюры В.Г. Черткова «Об издании полного собрания мыслей Л.Н. Толстого» 1915 года, найденной в букинистическом магазине, Мороз узнал о существовании сокровищницы

*Сонбо Сим, преподаватель русского языка
Сеульского Университета, толстовец.
В гостях у В.А. Мороза. 2004.*

мыслительной жизни Льва. Но где она спрятана и как проявить ее на свет? Найти «Свод» и издать – стало делом жизни. Долгие поиски привели в «закрома» Музея Л.Н. Толстого на Пречистенке, где по сей день коробки со «Сводом» являются объектом хранения, «занимающим много места». Существует мнение: «Зачем издавать «цитаты», когда Полное академическое собрание сочинений Толстого каждый может про-

честь в интернете?! Лучше, чем объяснил Чертков в своей выше упомянутой брошюре, едва-ли кто-то может объяснить «ЗАЧЕМ?».

В 1997 году 85 папок «Свода», в среднем 350-400 страниц каждая, были выкуплены Морозом у Музея в виде ксерокопий. О том, что «Свод» оказался «на свободе» узнала [Лидия Дмитриевна Громова-Опульская](#) – член корреспондент РАН, главный научный сотрудник Отдела русской классической литературы института мировой Литературы им. Горького, главный редактор академического Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого и ведущий биограф писателя. До конца своих дней она интересовалась, как продвигается работа. Считала, что «Свод» надо издавать ПОЛНОСТЬЮ! без купюр и редактур со всеми повторами и правками – «как памятник Толстому и Черткову». Незадолго до смерти Лидия Дмитриевна позвонила Морозу и сказала: «Вы не умрете, пока не издадите «Свод». Дайте мне слово...». Ее не стало 31 декабря 2003 года.

Труд подготовки издания оказался непосилен одному. Тогда Лев Николаевич сам пришел на помощь. А точнее, читатели «Толстовского листка», открывшие для себя Толстого-мыслителя, взялись за перевод «Свода» в электронный вид. Сегодня более 34 000 страниц отсканированы, набраны и готовы предстать перед читателем. Желющие смогут продолжить начатую работу: сверить с архивным подлинником, найти опечатки, внести исправления. Кто-то, может быть, решит издать «Свод», кто-то сделает свою выборку мыслей Толстого. Как завещано Львом Николаевичем: «Перепечатка разрешается безвозмездно»!

Толстой однажды сказал Черткову: «Читал Ваш «Свод» моих мыслей. Это настоящая моя биография. Биография моей мысли». И продолжил: «...но я не хотел, чтобы при жизни это печатали. Если после смерти кому-нибудь понадобится, тогда напечатают».

В.А. Мороз, 2015.

«Понадобилось»! Составленный В.Г. Чертковым «Свод мыслей Л.Н. Толстого» – свод мудрости – приходит к читателям благодаря нашим современникам и один из них Владимир Алексеевич Мороз.

Анна Бескровных
Июнь 2019. Москва.